

Шэнь Цинчжоу понял, что недооценил Сицюаня. На первый взгляд тот казался совсем хрупким — тонкий, одежда на нём буквально висела, — но силушкой обделён не был. Мальчишка притащил в комнату целую корзину, в которой уместились три кувшина вина и аккуратный питейный набор. Правда, переступив порог, он запыхался так, что едва мог перевести дух.

Обрадованный Шэнь Цинчжоу смахнул глиняную печать с одного из кувшинов, плеснул вина в пиалу и протянул мальчику:

— Пей.

Сицюань почтительно принял пиалу обеими руками и осушил до дна. Он тут же густо покраснел и закашлялся. Шэнь Цинчжоу не стал больше мучить паренька.

— Сдачу припрядь, — добродушно усмехнулся он. — Копи понемногу. Глядишь, через несколько лет наберётся достаточно, чтобы выкупить свободу и убраться отсюда.

Поразмыслив, он вытащил из кошелька золотую бусину и вложил её в ладонь Сицюаня.

— Больше дать не могу. Если продолжу так сорить деньгами, старшие дома меня живьём закопают.

Сицюань испуганно залепетал, пытаясь вернуть щедрый дар, но из-за спины Шэнь Цинчжоу шагнул брат Ло. Он мягко сжал пальцы паренька в кулак, пряча золотую бусину, похлопал его по плечу и едва заметно кивнул.

— С-спасибо вам, господин! — Сицюань с глухим стуком упал на колени. — Позвольте узнать имя моего благодетеля...

— Оставь эти церемонии. Меня зовут Шэнь Цинчжоу. Если когда-нибудь свидимся на просторах цзянху, просто сделай вид, что мы знакомы.

Шэнь Цинчжоу небрежно махнул рукой, отсылая его, а сам приник прямо к горлышку кувшина, жадно глотая хмельную влагу.

Брат Ло легонько подтолкнул Сицюаня к выходу. Прикрыв за ним дверь, он повернулся и увидел, что Шэнь Цинчжоу всё так же безостановочно прикладывается к кувшину. Слегка нахмурившись, тот подошёл к постели, достал из-под подушки бамбуковую флейту и, на миг задумавшись, заиграл.

Бамбуковая флейта звучит не так надрывно и тоскливо, как глиняная сяо, но душу Шэнь Цинчжоу этой ночью и без того терзали мрачные думы. Чистая, парящая мелодия показалась ему до боли похожей на ту, что когда-то играл его Первый старший брат. Прошрое ожило перед глазами во всех красках — то, что он пытался вычеркнуть из памяти, забыть было

невозможно. Он сам не заметил, как опустил кувшин. Застыв, он слушал музыку, и на глаза его навернулись слёзы.

Когда мелодия затихла, Шэнь Цинчжоу смахнул слёзы рукавом и шутливо выругался, косясь на Брата Ло:

— Ну и подлец же ты, уродливый чёрт! Люди приходят в весёлые дома, чтобы радоваться за свои деньги, а ты взялся доводить меня до слёз. Если хозяева Башни Красного и Зелёного держат тебя ради этой игры, они точно прогорели. Ладно, брось дудеть. Иди сюда, выпей со мной!

Брат Ло спрятал флейту и сел рядом. Закатав рукава, Шэнь Цинчжоу разлил вино по двум пиалам до самых краёв. Одну он протянул Брату Ло, а вторую поднёс к губам и махом осушил наполовину.

— Тот парнишка не обманул, принёс на совесть. Это ведь «Падение восьми бессмертных», лучшее вино в вашей башне. Тебе небось редко перепадает такая роскошь? — заметив, что Брат Ло безразлично смотрит на пиалу, Шэнь Цинчжоу подмигнул. — Пей давай! Осушишь — и я продолжу свой рассказ.

Брат Ло пристально посмотрел на него, взял пиалу обеими руками и одним глотком осушил её до дна.

Шэнь Цинчжоу довольно рассмеялся и снова наполнил посуду. Улыбка не сходила с его лица, но он прищурился, и его взгляд стал колючим.

— Я ведь искренне любил своего Первого старшего брата. И думал, что это взаимно. Он всегда мне улыбался — так тепло, так... спокойно. Каким бы дёрганым и вспыльчивым я ни был, стоило лишь увидеть его улыбку, услышать пару слов, как на душе сразу становилось мирно.

Он тяжело вздохнул, допил вино и с горьким смешком продолжил:

— Потому-то я и доверял ему всё без утайки. Бежал к нему по любому поводу. Не даётся приём при тренировке — иду к нему. Прорвался на новый уровень, добился успеха — опять к нему. Пожурили ли меня учителя, похвалили ли... Наша долина почти отрезана от мира, откуда там взяться важным вестям? Сплошные пустяки, глупые мелочи. Сейчас сам удивляюсь: и как у меня только язык не отсыхал молоть всю эту чепуху?

Ло слегка приподнял свою пиалу, салютуя собеседнику, и опрокинул крепкое вино в рот.

Наливая новую порцию, Шэнь Цинчжоу прикрыл ладонью глаза. Его голос заметно дрогнул:

— Уродливый чёрт, понимаешь... я ведь правда верил, что дорог ему. Кого бы я ни встречал на

своём пути, никто не держал на меня зла. Но Первый старший брат... он ненавидел меня всем сердцем.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Вдруг Шэнь Цинчжоу резко отвернулся, оттолкнул пиалу и, потянувшись к нераспечатанному кувшину, сорвал печать. Он обхватил его обеими руками и сделал несколько жадных, глубоких глотков прямо из горлышка.

Он хотел сделать ещё глоток, но почувствовал, как чьи-то пальцы стальным хватом сжались на его запястье. Повернув голову, он встретился взглядом с Братом Ло. На этом изуродованном лице лишь глаза оставались живыми, и сейчас в них отражалось так много невысказанного. Брат Ло молча смотрел на него и качал головой, безмолвно прося остановиться.

У Шэнь Цинчжоу защемило в носу. Он опустил кувшин, вертя в пальцах пустую пиалу, затем отставил и её, вымученно улыбнувшись:

— Знаешь, как я это понял? Эх, уродливый чёрт, ты ведь не постигал боевые искусства. А у нас, мастеров, бывает так: бьёшься-бьёшься, а подняться на ступень выше не можешь. Хоть лопни от усердия, хоть расшибись в лепёшку — стена. Учитель называл это «озарением». Звучит красиво, а если по-простому — обычное везение.

Он помрачнел. Сделав глубокий вдох, он горько усмехнулся:

— А мне с самого детства везло так, будто черти ворожили. Я начал учиться у нашего мастера на много лет позже Первого старшего брата. Он тренировался в разы упорнее меня, шаг за шагом шёл вперёд. По всем законам именно он должен был первым постичь глубины нашей школы и унаследовать великий путь. Но...

Шэнь Цинчжоу замолчал. Брат Ло посмотрел на него, обмакнул палец в пролитое вино и быстро вывел на деревянной столешнице:

«Ты?»

— Ого! — изумился Шэнь Цинчжоу. — Уродливый чёрт, так ты ещё и грамоте обучен?

Брат Ло слегка нахмурился и размашисто вывел ещё один иероглиф:

«Обучен».

— Моё почтение! Грамотеи, да ещё и на флейте играют — сущий благородный муж в изгнании, — хмыкнул Шэнь Цинчжоу. — Раз уж умеешь писать, черкни своё имя. Не упрямясь, ты-то моё имя уже знаешь.

Палец Ло скользнул по дереву, выводя:

«Лочэнь».

— Лочэнь... — вслух прочитал Шэнь Цинчжоу, задумчиво потирая пальцем верхнюю губу. — Что за странное имя? Лочэнь... Опавшая пыль? Твои родители действительно не желали тебе лучшей доли, раз так называли?

Лочэнь на мгновение замер, но затем его палец вновь стремительно задвигался по столу:

«Сирота».

Не дав Шэнь Цинчжоу вставить извинения, он тут же дописал:

«Продолжай».

— Да уж, говорить особо не о чем, — Шэнь Цинчжоу невесело усмехнулся. — Ты и сам всё понял. Я первым перенял тайное мастерство учителя. И ведь глуп был как пробка: первое, что пришло мне в голову — побежать к Первому старшему брату и похвастаться успехом. Эх, уродливый чёрт... нет, Ло... ай, ладно, «уродливый чёрт» как-то привычнее. Подумай сам, каково ему было? До моего появления он был лучшим учеником, любимцем всей школы и главным преемником на место главы. А потом пришёл я... Ха-ха!

Он разразился диким хохотом, содрогаясь всем телом, словно это была самая забавная шутка на свете. Этот смех, резкий и неестественный, заметался под потолком убогой каморки.

Лочэнь молча созерцал этот приступ безудержного веселья, сжав кулаки на коленях. Он терпеливо ждал, пока Шэнь Цинчжоу успокоится. Тот наконец перевёл дух, утёр выступившие слёзы и заговорил спокойнее, вновь погружаясь в воспоминания.

После того злополучного дня, когда он, светясь от счастья, выложил Первому старшему брату всё о своём прорыве, Шэнь Цинчжоу не мог не заметить перемен. Брат стал холоден, начал отстраняться. Цинчжоу был невероятно одарён — любую сложную технику меча схватывал на лету, стоило лишь раз увидеть. Но всю свою страсть он отдавал боевым искусствам, почти не разбираясь в тонкостях человеческих чувств. К тому же и в семье, и среди учеников он был самым младшим, всеобщим баловнем. Это сделало его простодушным, но никак не глупцом, не способным отличить искренность от притворства.

Он оставался не по годам наивным. Постигнув тайны мастерства, он только и думал, как помочь брату тоже преодолеть этот рубеж. Однако тот лишь сухо отвергал любые советы. Но стоило Цинчжоу приунуть от такой безответности, как на следующий день после праздника Середины осени Первый старший брат сам позвал его выбраться из долины — якобы купить зимнюю одежду для младших учеников. Разумеется, Цинчжоу согласился без колебаний, сияя

от радости.

В ту ночь они знатно выпили в Обители Пьяной луны. Когда луна поднялась в зенит, Первый старший брат предложил покататься на лодке по озеру Цзяньху. Хмельной Цинчжоу был полон юношеской отваги и бесшабашного задора. Скажи ему тогда брат: «Бросаем всё и отправляемся бродяжничать на край света», он бы, не задумываясь, согласился.

Шэнь Цинчжоу прикрыл глаза, вспоминая ту ночь: призрачный лунный свет заливал воду, над озером стлался тонкий, как кисея, туман, а по зеркальной глади бежала лёгкая рябь. Они пили в нанятой лодке под навесом. Но в какой-то миг мягкая, привычная улыбка сошла с лица Первого старшего брата. Он посмотрел на него так ледяно, что у Цинчжоу, обладавшего мощной внутренней силой, мороз пробежал по коже.

— Первый старший брат прямо в глаза сказал мне, что люто, до смерти меня ненавидит, — ровным, безжизненным голосом произнёс Шэнь Цинчжоу, растеряв последние остатки веселья. — С первого дня, как я переступил порог школы, он невзлюбил меня. Считал, что я попал к мастеру лишь благодаря славе моих предков. А когда я начал обходить его во всём, его зависть превратилась в яд. Больше всего его злило то, что я, дурак простодушный, ничего не замечал и продолжал виться вокруг него, лишая покоя.

Сжав дрожащие пальцы в кулак, Шэнь Цинчжоу с силой опустил его на деревянную столешницу. Внутреннюю силу он не прикладывал, но ветхий стол всё равно жалобно хрустнул и покачнулся. Шэнь Цинчжоу осёкся, удивлённо уставившись на ходуном ходящие ножки. К счастью, хлипкая мебель устояла. Это его немного отрезвило.

— Пронесло, — усмехнулся он. — А то расколол бы твой стол, пришлось бы нам на полу лакать.

Лочэнь бросил на него короткий взгляд и быстро вывел на дереве:

«Ты не виноват. Он виноват».

— Виноват... — Шэнь Цинчжоу покачал головой и горько вздохнул. — Наверняка в чём-то я виноват. Наш Первый старший брат ведь был чудесным человеком, он... Ай, ладно, давай выпьем.

Пока Шэнь Цинчжоу разливал остатки вина по пиалам, Лочэнь дописал:

«Что случилось потом?»

— Он подсыпал мне в вино порошок, размягчающий кости, — Шэнь Цинчжоу сжал губы. — Помнишь, я рассказывал тебе про того безумного развратника? Первый старший брат собирался продать меня ему.

Лочэнь резко вскочил. Его плечи мелко дрожали, он беззвучно шевелил губами, а в широко распахнутых глазах застыло потрясение.

Шэнь Цинчжоу опешил от такой бурной реакции. Отставив пиалу, он примирительно поднял руки:

— Эй-эй, ты чего так разволновался? Ах, прости, навеяло воспоминания о твоих бедах? Прости, глупо вышло. Я ведь просто... ну, вырвалось. Извини меня, брат Ло. Садись, присядь обратно...

Он подождал, пока Лочэнь медленно опустится на стул. Вид у того всё ещё был потерянный. Шэнь Цинчжоу неловко улыбнулся:

— Вот видишь. Я вечно творю глупости, задеваю людей за живое и даже не замечаю этого. Ты всё ещё думаешь, что я ни в чём не виноват?

Лочэнь сделал глубокий вдох и решительно покачал головой. Помолчав немного, он написал:

«Он подлец».

Шэнь Цинчжоу долго молчал. Осушив подряд две пиалы, он поднял затуманенный взор на собеседника и тихо произнёс:

— Собрав последние силы, я бросился в озеро, а дальше — темнота. Очнулся уже у себя в долине Сяояо. Вокруг стояли встревоженные родители и учитель. На мой вопрос о Первом старшем брате мастер ответил коротко: за столь гнусное предательство школа отреклась от него. Ему уничтожили меридианы, лишили боевых искусств и с позором выставили вон.

— Учитель боялся, что моя злость не утихнет, и даже просил меня пощадить жизнь Первого старшего брата. Но когда я спросил, кто вытащил меня из воды, все как один промолчали. Никто так и не рассказал, что произошло, пока я лежал без чувств, — Шэнь Цинчжоу помрачнел. Очевидно, недосказанность и неведение до сих пор терзали его душу, не позволяя отпустить эту историю.

Лочэнь медленно обмакнул палец в вино. На этот раз он писал очень неторопливо, сильно нажимая на столешницу, словно хотел, чтобы слова врезались в дерево:

«Ты его ненавидишь?»

— Ненавижу ли? — Шэнь Цинчжоу горько усмехнулся. — Разумеется, да. Но больше всего мне хочется узнать правду о том дне. Почему родители и учитель упорно молчат? И куда ушёл Первый старший брат? Мечникам в поднебесной не прощают старых обид, а он теперь калека, за которого некому заступиться... Я...

Он тяжело вздохнул и умолк, уставившись в пространство.

Лочэнь быстро нацарапал:

«Он едва не погубил тебя, а ты за него печёшься?»

— Да, — Шэнь Цинчжоу приподнял брови и грустно улыбнулся. — Беспокоюсь. Пусть мы ненавидим друг друга, я не желаю ему сгинуть в какой-нибудь придорожной канаве или умереть от чужих рук. Но я не могу признаться в этом никому — даже учителю. Все вокруг считают, что я должен лишь презирать его. У нас в долине его имя под запретом — позор школы, якшавшийся с нечестивцами и продавший брата. Каждый год в эту ночь меня просто разрывает изнутри. Кто бы мог подумать, что сегодня я случайно забреду сюда и смогу наконец выговориться. Тебе ведь всё равно некому об этом рассказать, верно?

И он снова тихо, немного хрипло рассмеялся.

<http://bllate.org/book/19915/2028882>